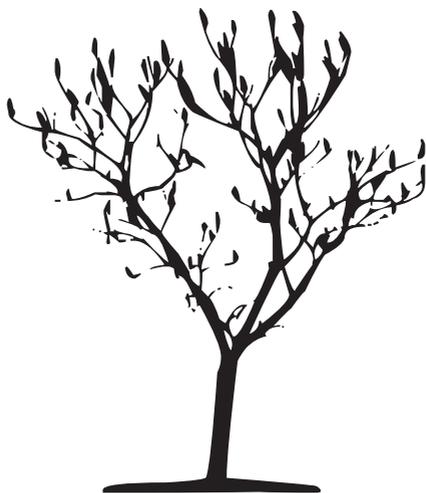

Елена Меньшенина

*На шестом этаже
земли*

Стихотворения

Челябинск

Издательство Челябинского государственного университета
2019

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)
М51

Меньшенина, Е. С.

М51 На шестом этаже земли : стихотворения / Е. С. Меньшенина. — Челябинск : Издательство Челябинского государственного университета, 2019. — 62 с.

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)

© Меньшенина Е. С., 2019

2011

«Алхимикси гонждя»

* * *

Крепким чаем тоску не лечат —
Знаю: сахара нет на дне...
Жизнь бросает озноб на плечи:
Одеял не досталось мне.

Время — двери купе. Кривятся
Дни, как пыльные зеркала...
Пересчет календарных станций,
На которых я не сошла.

И окно, подступая ближе,
Фонарями косит в бреду...
Сколько будет еще таких же,
На которых я не сойду?

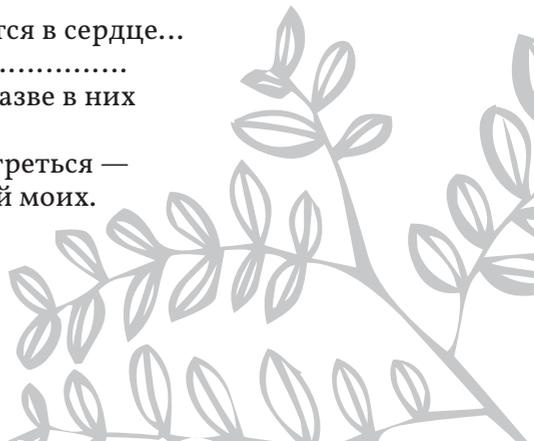
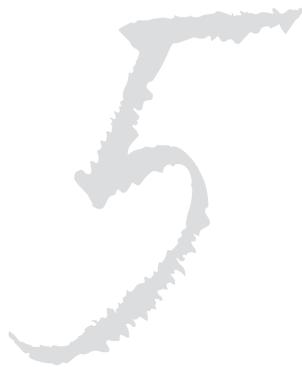
Рассыпаются по газонам
Одуванчики, как желток...
Еду мимо. Гремят вагоны —
Или капли о водосток,

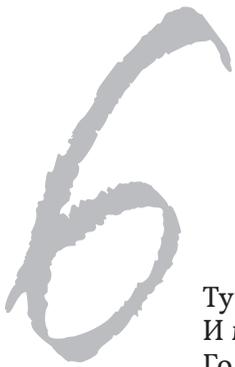
Те, что падают — неизменно?..
Ветру хрипло кричу: «Смотри,
Как упорно мы бьемся в стены:
Ты — снаружи, я — изнутри!»

Стук колес отдается в сердце...

.....
Что метафоры? Разве в них
Дело?

...я не могу согреться —
Ваши руки теплей моих.

* * *

Тучи сажают кляксы небу на разворот,
И мокрый асфальт, изумляясь, в него глядится.
Голодный ветер бессильно кусает зонт
И зубы сломать норовит о железные спицы.

Глодает, и злится, и брызжет слюной дождя,
Бросается под ноги, с плачем проносится мимо...
А вечер проходит, закат под уздцы веда,
И душат слова — невесомо — непоправимо.

Давай помолчим — не там, не тогда, не о том —
В ладони лоя полоски прохладной стали...
Потом разбредемся врозь под одним зонтом,
И против течения рельсов трамвай отчалит.

2012

«От ласкития
до надежды»

* * *

Дрожь больных секунд — запоздала милость —
Замирает в стенных часах борьба...
Я хочу, чтоб все у тебя сложилось
Вопреки банальному «дважды два»,

Вопреки любим, не лишенным смысла
Числам — вычурным в простоте...
На гирлянде снега зима повисла
И раскинула руки, как на кресте,

И нежданно вкравшейся опечаткой
Между нами рельсов скользят ножи...
«До свиданья!» — холодом под перчаткой.
Я люблю тебя. Этим и дорожи.

10

* * *

А может быть, ты просто человек
Из той дорожной пыли, что и я.
А может быть, в нас отразился Бог
В тот день восьмой, когда взгляделся в небо.

А может быть, мы снегом упадем
На плечи обезглавленных домов,
И ткнется носом беспокойный день
В озябших стен заветренные руки.

А может быть, мы все поймем, когда,
Свет выплеснув на берег облаков,
Кругами вдруг расширится закат,
Безропотно сглотнув булыжник солнца,

И улицы поднимет горизонт
За лестницу веревочных путей,
За рельсы, что, изведав кривизну,
Все так же не пускают нас друг к другу.

* * *

*Человеческие губы, которым больше нечего сказать,
Сохраняют форму последнего сказанного слова...*

О. Э. Мандельштам

Луч темноты по обоям пляшет...
Поздно! На память оставить рада
Ссадины цвета моей помады
На гладких щеках фарфоровых чашек.

Этой иллюзией поцелуя
До понедельника опьянеем...
К стуку соседей по батарее
Чайник фальшивящий я ревную.

Стулья пускают корни между
Пальцев артритных гнилых паркетин,
Помня двоих, что живут на свете
От чаепития до надежды.

* * *

Мы не столкнемся сегодня — зримо —
Странная участь *идуших рядом*.
Взгляд ускользает — неповторимый
Цвет хризолита и винограда.

Солнце врезается в айсберг дома —
Значит, еще один день — не встретим...
Кажется, вовсе мы не знакомы,
И непонятно, что делать с этим.

Память грядущего не догонит,
Жизнь не имеет обратной силы...
Взгляды не встретились. Но ладони
Знают, кого я боготворила.

* * *

Я ждала тебя... Странно, часы и сами
Не знают, как долго: время-то нас не ждет.
Мы для того так коротки с небесами,
Чтоб не очнуться кроткими — в свой черед.

Не обнажая сути, как та монета
В кислоте — сквозь патину шурить чеканный глаз
На расставление пешек по карте — это
Условность, как, впрочем, каждый из глупых нас.

Плоский клубок земли обогнув, дорога,
Как ни разматывай, вечно ведет назад.
...Я на часы надеялась, как на бога, —
Главный итог несовпадения координат.

* * *

На границе солнца и пустоты,
Где холмы облакам подставляют щеки,
Мир значительно больше, чем «я» и «ты»,
Мысль значительно глубже в сплошном потоке

Неозвученной речи. Письмо в «куда»
По столу отстукиваю устало...
Так звучит негаданная вода,
Прскользнув по высохшему каналу.

Так слова прорываются сквозь гортань,
Тянут гласные — попытка похлеще дыбы,
Так стихи распахиывают грань
Расстояния, требующего — выбыть.

15

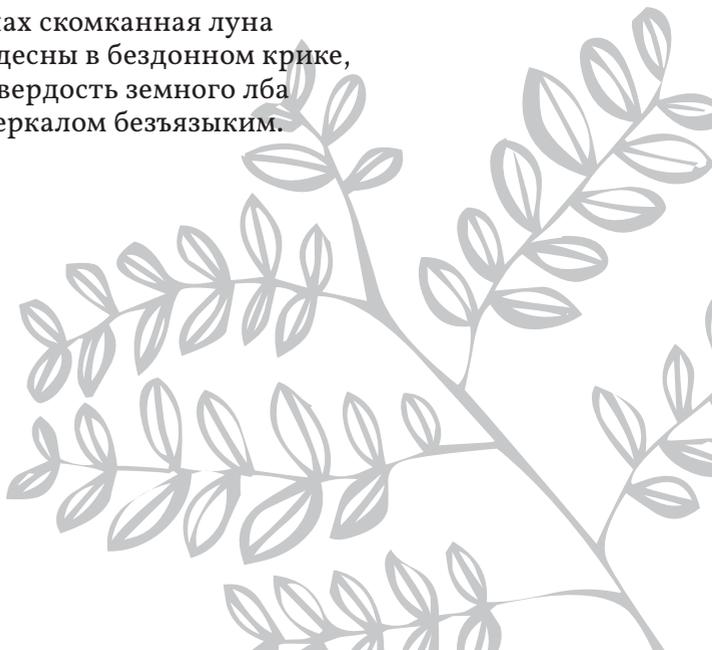
*Вечернее размышление
о превратностях географии*

«Километр» — это почти что «мир».
Сто миров — понесло же в такую даль-то! —
Когда город плавится, как пломбир,
Растекаясь по вафельному асфальту.

Да и вправду — прочь от такой зимы —
По земле, не всегда однозначно плоской...
«Я уеду», — это почти как «мы»
В дребезжаще-сорванном отголоске.

«Здесь» звучит пронзительнее, чем «там» —
Смехотворной мезью разбитой склянки,
И скрипят суставы оконных рам,
Плечи стекол вывернув наизнанку.

В моих окнах скомканная луна
Обнажает десны в бездонном крике,
Соляную твердость земного лба
Отражая зеркалом безъязыким.

16

* * *

Узнавание рифмы — почти как сцена
Под ногой. Молитва: не упади
На чужой, затоптанной и бесценной
Кромке воздуха, выросшей из груди.

Где-то между первым ребром и третьим —
Не пойму — и стоит ли ворошить
Атавизмы — надцатого столетья,
Когда тело вырвалось из души?..

Ощущение звука сродни ладони
Отделившей сцену от тишины,
Когда тот — ближайший — еще не понял
Как со-камерны были когда-то мы.

* * *

...и время рухнуло, как будто
Оборвалось еще в начале.
Смерть оказалась на минуту
Короче твоего молчанья.

Укол веретена метели
На месте будущего сердца
Страшнее точки. Жизнь — безделье,
Ничтожный повод, чтоб согреться.

А утро к полночи все глубже
В сетчатке. За девятым кругом
Ребра — царит такая стужа,
Что нам не выжить друг без друга.

* * *

Я была без тебя — там, где каждое здание вровень
Собственной тени, расправившей плечи, как воздух ноздри.
Горизонт забывает у моря, как он устроен,
Пресный свет собирая в стога и грозди.
Я искала тебя — там, где небо не знает суши
И по спинам гладит взъерошенные горы...
...оттого, что глаза ближе порой, чем души,
Мое каждое слово будет тебе не впору.

* * *

Бог не называет по имени: оно смертно,
И едва звучащие соки в него влились,
Я чувствую, как бесшумно и бесприметно
Растет пустота, а во мне израстает жизнь.

Прочь из суставов, кроной пронзая тело,
Где угнездился страх, на который — ни букв, ни нот...
Если имя твое я выдохнуть не сумела,
Как оно под альвеолами проскользнет?

Я ношу твое имя, словно дитя в утробе,
Словно солнце, в ладонь скользнувшее свысока...
Его отзвук вздрагивает в ознобе,
Но еще не срывается с языка...

Два очень одиноких стихотворения

1.

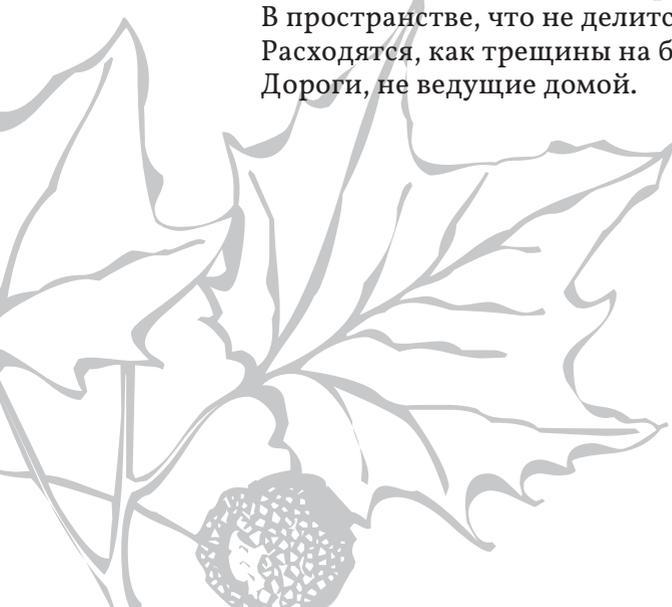
Нырятся свет то в междурамье, то за
Горбых крыш подтаявший наплыв,
Когда щеколда плачет от мороза,
Сухие слезы в небо уронив.

А ночью в подъязычном запустенье
Горчат слова, свернувшиеся в «ты»,
И, кажется, твое невозвращенье
Пронзительней зрачка и пустоты.

2.

Чай стынет. Превращается в привычку
К ленивой горечи, что вприснута в слова,
К горячей пустоте у подъязычья,
Умевшего вымучивать: «Жива!»

Ты слишком близко, чтобы прикоснуться...
В пространстве, что не делится на ноль,
Расходятся, как трещины на блюде,
Дороги, не ведущие домой.

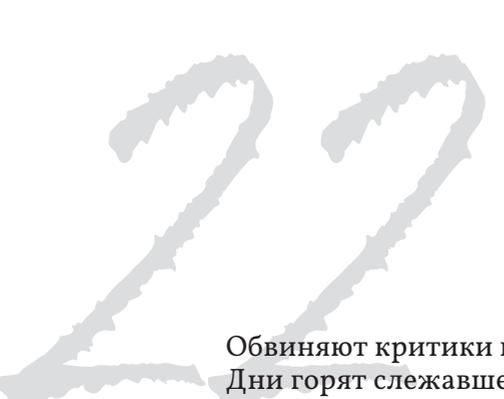
* * *

Мне осталось немного: задумчивое тепло
Твоих пальцев. И кашель, сухой, как дольник.
Да из неба выжатое стекло,
Что стекает по капле на подоконник.

Мне осталось «немного», стремящееся в «одно»,
В незаметную точку, что скрыта в любом вопросе...
Ощущение прерванной ноты — до
Понимания: ты не вернешься в восемь

Или девять... Короткий и злой озноб,
Когда в город ныряешь из липкой бессонной мути...
Я хочу пережить сегодня и вечность, чтоб
Расстояние до «здравствуй» отсчитывать по минуте.

* * *

Обвиняют критики в эскапизме,
Дни горят слежавшейся серой ватой...
Перед ними — веришь — не виновата
Я, к тебе бегущая, как от жизни.

Чуть кольнет под ключицей — наверно, сердце...
Голос твой хрипловат — или просто провод
Телефонный замерз — это тоже повод
Протянуть мне руку — чтобы согреться.

Жду звонка — как смерти и как трамвая,
Как земля прогорклая ждет полива...
Мой родной, это страшно несправедливо,
Что меня твой голос не согревает.

* * *

Странный повод любить: за прозрачную кожицу мая,
Распростертую криво на вялой замерзшей земле,
Где слюду темноты предрассветные брызги ломают...
Люди — чаще: кто пальцы, кто судьбы, кто хлеб на столе.

Мой трамвайный хранитель, за правым плечом еще пусто,
Как на улице в пору, когда расцветает луна
И слова заключаются в злые кавычки искусства,
За которыми сходят на нет, как иные — с ума.

* * *

Мы создаем безумство бескорыстно —
Краеугольный камень без углов
И монолит кубического смысла,
Квадратное неравенство слогов,

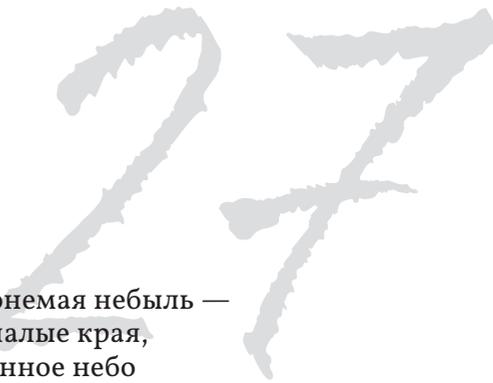
Вмещающая в ритм трамвайных остановок
Всю гамму от удушья до строки,
От непадежных окончаний слова
До невозвратных постфиксов тоски.

2013

«Беспрудно светло»

* * *

Здесь бьется высота — глухонемая небыль —
В расхристанной земли беспалые края,
Здесь падает плашмя заточенное небо
С сосновой темнотой у остря.

Здесь солнце — в стылый воск, в размокшую солому
Растоплено, растоптано — и круг
Уже не завершит, не повернется к дому,
Но неизменно выведет на юг.

28

* * *

*Я люблю тебя только за то, что жив,
И более ни за что.*

Ю. Мориц

Нынче окна взялись, от зимы заскучав,
Сквозняком штопать дыры в виске,
Будто кто-то за ними не спит по ночам,
Похоронен в чужом городке.

Лучше б в горы по горло — да вот не судьба,
Только скомкаешь душу тайком,
Соляную равнину горячего лба
Накрывая небесным стеклом.

А когда превращается взгляд в решето,
Чтоб сквозь веки цедить пустоту,
Звездным рыбам на дне беспробудно светло,
Оттого они слепнут к утру.

От неба до нёба прошиты белесой
Морозною нитью, господней иглой,
Деревья с землей говорят безголосо
О том, как ознобом им плечи свело.

Река, задохнувшись разладом, разрывом,
Как щука, щетинится пастью моста,
Зевает и жаждет наживки — наживы...
И молча «вы живы» твердит неспроста.

Бескостную речь ее, ангельский лепет
Впечатать в гортань, пережить, пережать...
Зиме научиться, как учатся дети
Живое по мертвым склонять падежам.

* * *

Зерно зрочка спит в яблоке неспелом...
Чернеет снег, как чайная зола —
Граница между разумом и телом,
Что ободком по кружке пролегла.

Ты загнан в угол. Комната — в четыре.
И взгляд косит, куда ни посмотри,
Как будто бродишь по чужой квартире,
Как сердце, разрываясь изнутри.

* * *

Ты говоришь со мной, как говорят деревья
На кровном языке движения в себя.
Так дети налету беседуют с метелью
И чуждые слова под небом теребят.

Так лепятся стихи у свода горлового,
Так падает в зрачок скукоженный простор,
Так стянут кругозор веревкой известковой,
Когда ты из себя выходишь в коридор.

В отвесные снега впечатываясь грудью,
Становимся узлом, как небо и вода,
Совпавшие насквозь. Так совпадают люди
С зеркальной высотой друг друга — навсегда.

* * *

Ты запрокинут весь, как город после спячки.
Так озеро спиной не ощущает льдин,
Растущих из него, — и слушает, как плачет
Небесная змея, свернувшись на груди.

Ты промерзаешь вдоль, как небо или реки,
Как мертвая земля у корня языка,
Как зерна темноты, пробившейся сквозь веки,
Как вросшая в гортань трамвайная строка.

Ты дышишь через край, как облака и горы,
Как дышит сквозь стекло морозная трава...
Мир тянется к тебе, как женщина, которой
Осиновый озноб набился в рукава.

Ты опрокинут весь, как чаша горловая,
Покуда из нее выплескивают речь,
Как утренняя дрожь бездомного трамвая,
Что под ноги тебе роняет воздух с плеч.

* * *

Дышишь наотмашь, меришь на фунты лихо,
В горле сжимаешь, греешь его в горсти...
Память мутнеет. Ощупью ищет выход:
Думал, пожнешь, да нечему прорасти.

Падает шепот облачно и наречно.
Сухо и зябко снег говорит во сне...
Мертвые реки чуют под кожей вечность
И безвозвратно старятся по весне.

Носишь озноб за пазухой, как младенца,
Как носят слезы глубже глазного дна...
Солнце к закату движется, будто сердце,
Или душа оказалась тебе тесна.

* * *

Когда свет мутнеет и ищет, где б
Прирасти к тебе по кривой,
Пустота между губ, как насущный хлеб,
Черно-белый и неживой.

Ты отводишь беду, как другой — глаза
От древесных стоячих рек...
Наизлом, как мертвая стрекоза,
Опрокидывается снег

Или смех, расколотый изнутри
Под гортанною скорлупой...
Засыпаешь. Лампочка не горит
Между Богом и темнотой.

* * *

Пустота, прижавшаяся к ладони —
Когда провод проводов оголен...
Тело чувствует душу, как подоконник —
Невесомость воздуха с трех сторон.

К тишине, обрушенной с колокольни
Твоего ухода, — губами льну:
В суете бессмысленной и глагольной
Я причастие к имени твоему.

Десять писем барону Тузенбаху

Пролог

Ночью деревья спят наизлет, как реки,
С собственной тяжестью в трещине горловой.
Прячет устало барон Тузенбах под веки
Сад, беспощадный, надменный и снеговой.

Так я древесный озноб хороню ночами,
Хрупкий, как имя, в нёбном сыром песке...
Мы говорим, как замок говорит с ключами,
На невозвратном скрученном языке.

Мучим железное, звонкое, кровавое
Между губами. Душно и несветло,
Будто проснулся с бабочкой под десною,
И не понять, как слово там заросло.

Письмо первое

Здесь, Тузенбах, отвратительная погода.
Дни не длинней пробела в строке недели...
Дважды не входят в январскую злую воду,
Что протяженнее года на самом деле

Помните сад? Он по-прежнему чужд нетерпенья.
Ждет и не лезет ни в окна, ни в небо, ни в души...
Как на разрыв наполняется взгляд светотенью,
И рассказал бы, да некому больше послушать.

Только деревья крестятся прежде грома:
Поодиночке выжившие — не выжечь...
Только людей выплескивает из дома
Тщетная мысль: оказаться к нему поближе.

38

**Письмо второе,
разорванное и не отправленное**

Вы помните птиц, что спеленуты тесно
Снегами над вязовой вязью ветвей?
Как время за дверью становится местом,
Натужно и жалко срываясь с петель?..

.....
...Когда, отлучившись из тела и дома,
Петляют безумцы по небу и над,
Часы убегают маршрутом знакомым,
За временем, то есть — назад.

Письмо третье

На закате воздух мудрей, чем Цельсий:
Промерзает раньше бесцветной речи...
Говорят, до Москвы проложили рельсы,
Как ни целься — сходятся вам навстречу.

Только ночь царапается с угрозой
Между рам, взгрызается в дверь ключами,
Когда взгляд полощется на морозе...
...Вас, барон, придумали — прокричали

Наизусть — бездарно и бессловесно...
Оттого уехали вы, не зная,
Каково к утру превратиться в местность,
Опустеть, как комната нежил/вая.

Письмо четвертое

Одиночество, названное на «ты»:
Бинтовали, прятали — не срослось...
Возле окон, боящихся высоты,
Даже ангелы промерзают насквозь.

До немого беспомощного льда —
Между ребер тесно — не соскрести...
Глубже стекол, выгнутых, как вода,
До весны запрятанная в горсти.

...И окно умирает, когда его
Налету вынимают из темноты...
Сколько птиц распластано под ногой:
Высотой раздавленных, золотых.

Письмо пятое

Ломкие строки — мученики, предтечи
Костью в гортани ставшего бытия...
Мы за молчание платим неспелой речью,
Скользкой, как рыба мертвая чешуя.

Снег и слова, идущие горлом в землю,
Сплюну неловко, будто через плечо...
Мягко ложится сердце, да жестко стелет,
Бродит в груди — бездомно и горячо.

И не хватает воздуха, чаще — взора
Шире морозной узорчатой толкотни...
В небе скучают выцветшие озера
Да снегири, промерзшие изнутри.

Письмо шестое

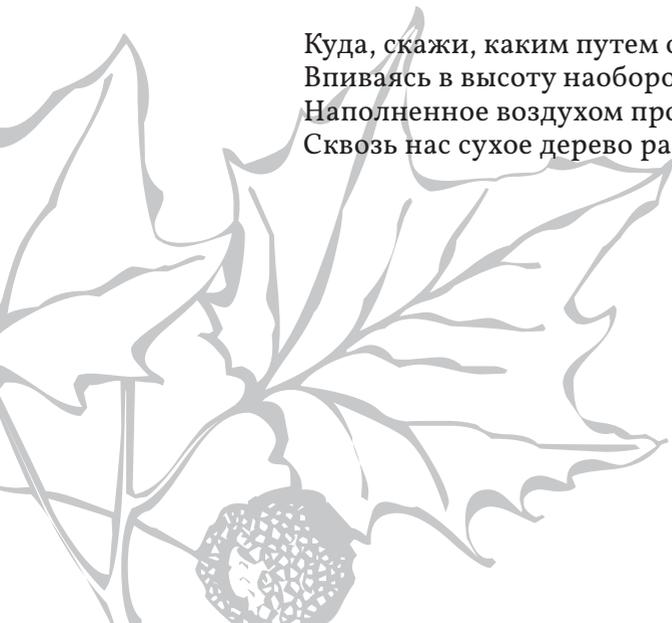
Вместить не может воздуха и сада
Хромого звука желчь и желтизна,
Отколотая настезь от фасада
Качается проталина окна.

Мучнистый лед, рассыпанная влага,
Кислица, муравьиная слюна...
Как слышится от бога и до блага,
Так пишется губами тишина.

Шершавая, без запаха и цвета,
Подкожная, живая, не своя...
В незамкнутой окружности рассвета
Лежащая наотмашь, как земля.

Толкнет под дых прогорклое и злое,
Рябиновая тяга к белизне,
Когда неотвратимо, как алое,
Цветет тоска в груди и на окне.

Куда, скажи, каким путем окольным,
Впиваясь в высоту наоборот,
Наполненное воздухом продольным,
Сквозь нас сухое дерево растет?..

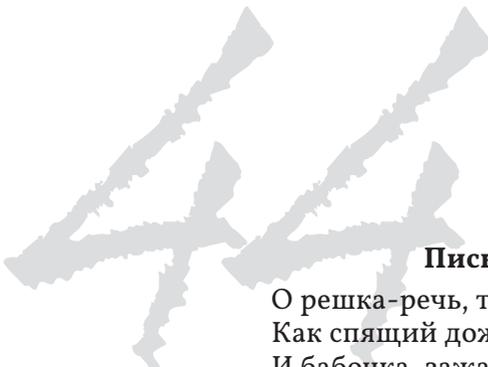

Письмо седьмое

Он продолжается во мне — дождем
И росчерком хромого винограда...
Так небо опрокинутого сада
В расщелинах созвездий прячет дом.

Вдохнуть бы имя, чуждое ему,
В сырую глину речи, словно «Боже!» —
И, как земля, почувствовать под кожей
Древесную сухую тишину.

Письмо восьмое

О речка-речь, ты выпадаешь боком,
Как спящий дождь из облачной петли,
И бабочка, зажатая меж стекол,
Наутро выцветает изнутри.

И хочется, да нечему колоться,
А где кольнет — там некому хотеть,
Когда тебя, как воду из колодца,
Пригоршнями зачерпывает смерть.

Кто беглый ветер вынесет в ладонях,
Сковзь звездное просеет решето?..
Спит речка-речь, в которой не утонешь.
На дне — светло.

**Письмо девятое,
отправленное в никуда**

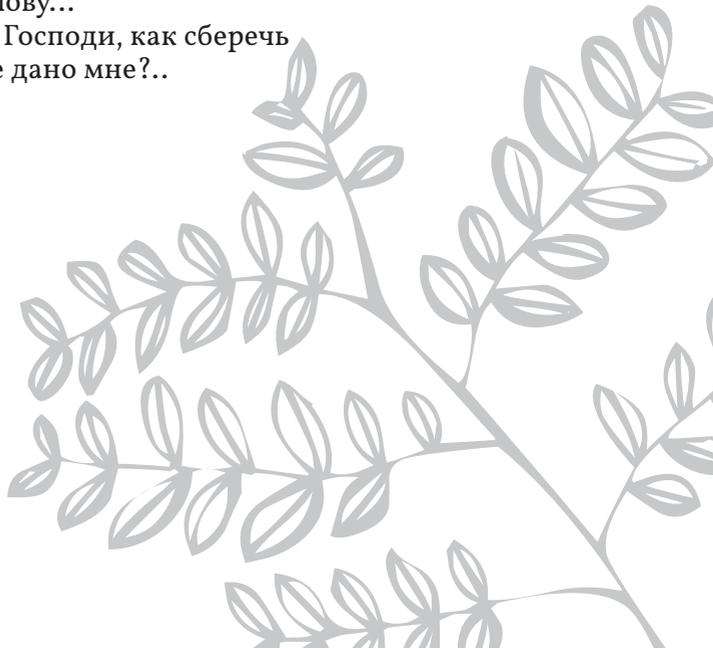
Тишина садится в ладони нам,
Чтоб немного правды вернуть ногам...
Будто занавес (чертовый балаган!)
Опускаешь веки.

И бредешь, и чувствуешь: поделом,
Лицедей, тринадцатый за столом...
В устье горла не ком бережной, а кол —
Да безгласы реки.

Как веревка морозным растет бельем,
Как сквозь ребра память растет быльем,
Как ломать дефисом житьё-бытьё —
Самому не вспомнить.

«Два» в уме, покуда не снимут с плеч
Беспокойных счет костяную речь,
Будто голову...

Господи, как сберечь
То, что не дано мне?..

Эпилог

Покуда мертвый сад замотан, как в рубаху,
В изнаночный простор, исхоженный до дыр,
Деревья говорят с бароном Тузенбахом
На плоском языке раздавленной воды.

Покуда пишет бог не белым и не черным —
Занозами листвы, янтарною золой,
Река лежит плашмя с остекленевшим горлом,
Прошитая до дна древесною иглой.

Барон считает птиц, прижатых к изголовью
Изогнутой земли, растущей сквозь себя,
И воздух изнутри не совпадает с кровью,
Заштопав пустоту меж ребрами дождя.

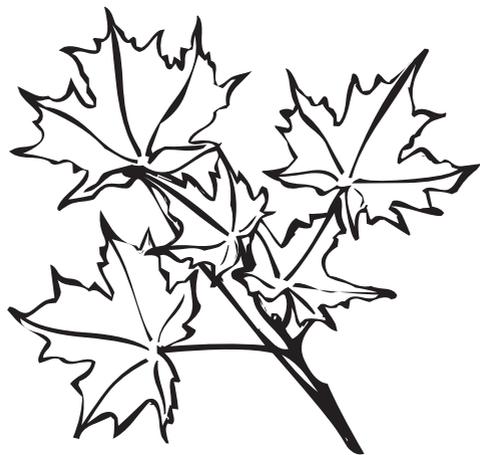
Деревья налету распластывают кроны
И наугад плывут вдоль собственных корней
По руслу темноты — и не заснуть барону
В промерзшей до земли отвесной тишине.

47

2014—2018

«На шестом этаже
земли»

* * *

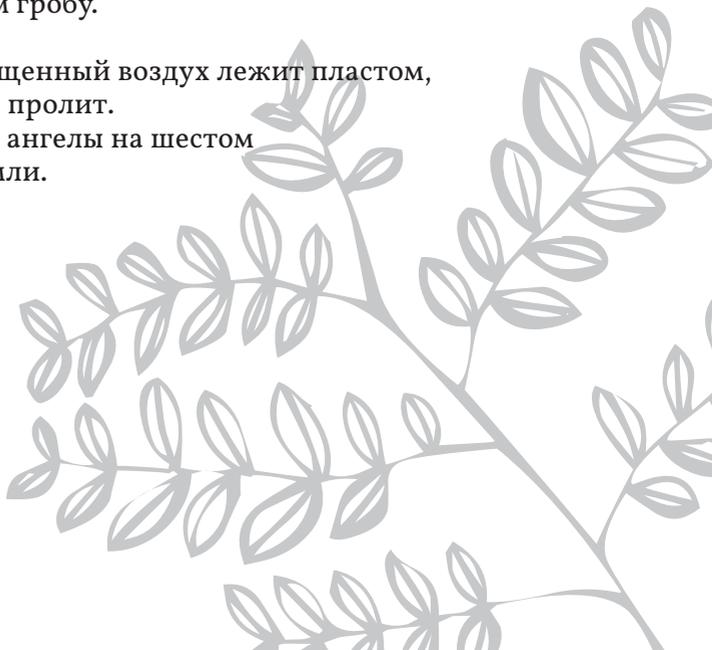
Чинит бог карандаш, ледяной графит
Собирая в горсть,
Когда город вешает фонари
На морозный гвоздь.

Берег держит во рту чешую воды
Меж зубов оград.
Ржавой влагой вызревшей темноты
Истекает сад,

Где сухих небесных стрекоз возня,
Листопадный рой.
Будто птицы с горлом из янтаря
Говорят с тобой.

Пустотой затянут речной порез
На равнинном лбу,
И вперед ногами выносят лес
В меловом гробу.

А расплющенный воздух лежит пластом,
На стекло пролит.
И зимуют ангелы на шестом
Этаже земли.

* * *

Город мятый, как спросонья...
Губы тронет тишина
Заскорузлую ладонью —
Вот такие, брат, дела.

Снег ровняет мостовые,
И, морозу вопреки,
Вяжет петли лицевые
У изнаночной реки.

Соляную роговицу
От безделья теребя,
Лезет в горло и гнездится
Прямо в сердце у тебя.

Ветер шарит за грудиной,
Видит: пусто, ни души...
В легких вместо никотина
Оседают падежи.

Русло горла обмелело—
Цедишь сукровицу слов.
Снег ворочается слева,
Нелюдим и бестолков.

Гроза в августе

1

С рассветной мякоти, ржавая,
Сползает ночи кожура,
Когда забрызганы деревья
Чугунной кровью топора.

А воздух, в сумерки замотан,
Дрожит и морщится: саднит
Под кожей ранка самолета,
Почти смертельная на вид.

И дождь, хромой и долгорукий,
На нитку августовских бус
Подвесил ягоду разлуки,
Почти смертельную на вкус.

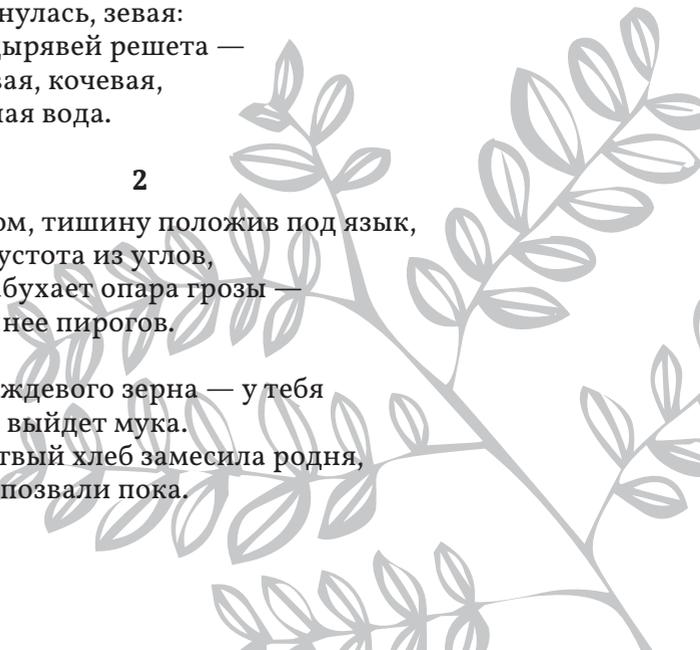
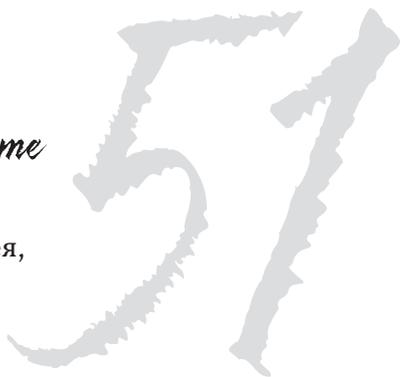
В глазницах утра — ни соринки,
И в небе — покати шаром,
Грозы серебряная нитка
Его заштопала нутро.

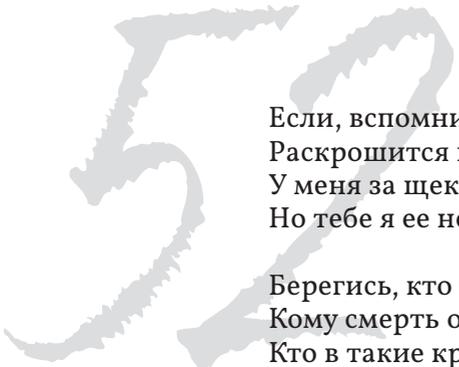
Река раскинулась, зевая:
На дне — дырявей решета —
Спит кучевая, кочевая,
Окоченевшая вода.

2

Дремлет дом, тишину положив под язык,
И глядит пустота из углов,
А в окне набухает опара грозы —
Не пеки из нее пирогов.

Не мели дождевого зерна — у тебя
Оловянная выйдем мука.
Из нее мертвый хлеб замесила родня,
Но тебя не позвали пока.

Если, вспомнив, разломают его пополам —
Раскрошится над нами беда.
У меня за щекой неживая вода,
Но тебе я ее не отдам.

Берегись, кто безумие носит в горсти,
Кому смерть оттянула плечо.
Кто в такие края норовит завести,
Где бродить тебе рано еще.

Умирать, распахнув золотые зрачки,
Ляжет ночь — не смотри на нее:
Это звезды выходят из тела реки,
На посмертный дивясь оком.

Спи — и некому будет тебе рассказать,
Как тебя обнимала трава
И как вместо меня разбитная гроза
Приходила тебя целовать.

Железнодорожная змея

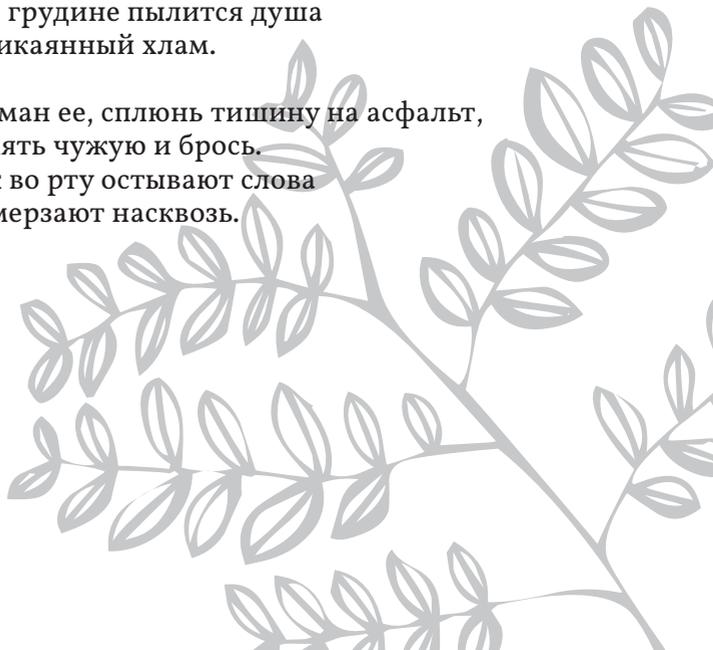
Видишь поезд: глотнул темноты и ослеп.
Спят вагоны, набиты тоской.
Вот монетка — купи невозвратный билет
В неразбавленный вечный покой,

Где горазды хлестать пустоту из горла
И занюхивать смерть рукавом,
Где в утробе зимы одряхла трава
И вода завязалась узлом.

А на сдачу махни, не жалея гроши,
В те края, где трава зеленей.
Помнишь город, что ниткой заката пришит
К истончившейся крови твоей?

Там ждут ножницы рельсов да время-левша,
Что разрежет тебя пополам,
Потому что в груди пылится душа
И иной неприкаянный хлам.

Спрячь в карман ее, сплюнь тишину на асфальт,
Скомкай память чужую и брось.
И забудь, как во рту остывают слова
И стихи промерзают насквозь.

* * *

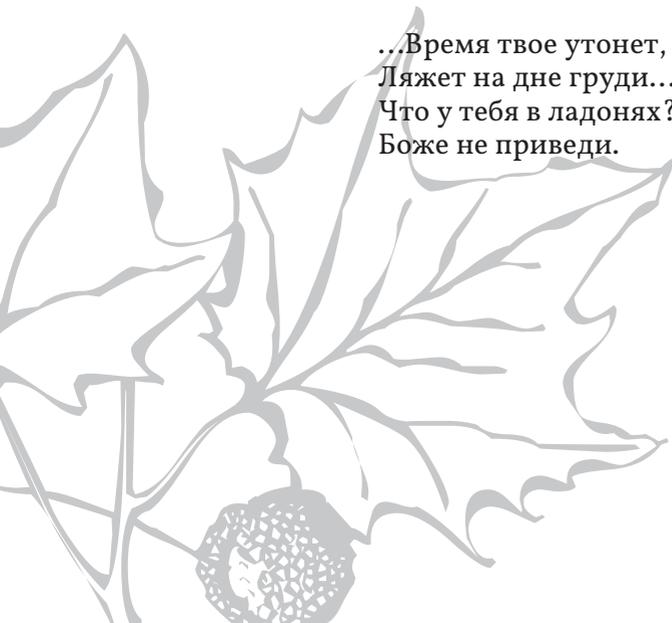
Ливень тебя поймает,
Ветра настигнет плоть.
Что у тебя в кармане?
Выброси — это смерть.

В желтых осколках крови
Раненый зверобой...
Время тебя укроет
Памятью с головой.

Скомканной тенью сада
Горло забив ручья,
Время у листопада
Смотрит из-за плеча

Или — вблизи ночлега —
Сгорбившись, как портной,
Ставит заплаты снега
На пустоте сквозной.

...Время твое утонет,
Ляжет на дне груди...
Что у тебя в ладонях? —
Боже не приведи.

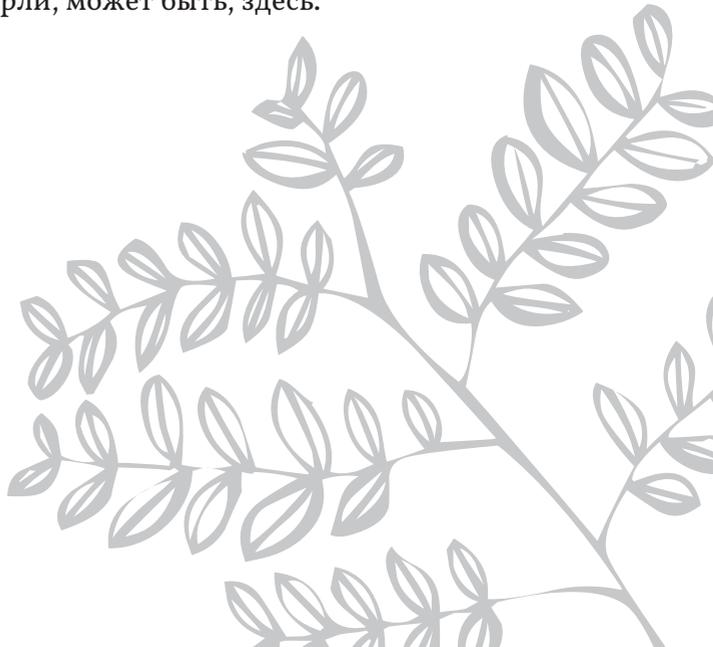
* * *

Где мы, беззаботные, жили
За пазухой спящих берез,
Стеклянное небо коптели
Горелки надменных стрекоз.

И звуки вскипали впустую
В зеркальных гортанях скворцов,
Когда мотыльки поцелуев
Садилась тебе на лицо.

Июля пернатое эхо
Дождем рассыпалось. А мы
Срывали соцветия смеха
С растущей в груди тишины.

Где время бросало на ветер
Минут золоченую взвесь,
Мы жили, не помня о смерти,
И умерли, может быть, здесь.

* * *

Не говори на языке воды:
В нем вымокнуть верней, чем утопиться...
Пусть засуха удавкой немоты
Захлестывает помыслы и смыслы.

Не говори на языке травы,
Не отмыкай ключами ржавой речи
Владений междустрочной пустоты,
Которая растет тебе навстречу.

...Что делать мне с кипящей тишиной
И в глотку заколоченным молчаньем?..
Не трать стихов, не говори со мной —
Я ничего взамен не обещаю.

* * *

Воздух, скользкий и отвесный,
Дождь разрезал вдоль хребта.
Что осталось мне от леса?
Только птичья немота.

Зацепился свет за ветку —
И повис клочок луны.
Что осталось мне от ветра?
Только шелест тишины —

Тот, что эхо в пальцах вертит,
Рассыпает — удержи!
Что осталось мне от смерти?
Слишком мало — только жизнь.

Слишком сухо — и не выжать
Даже капли бытия...
Что осталось мне от жизни?
Ничего — кроме тебя.

58

* * *

Снегопад бессонный бродит,
Рыщет, звезды ворошит.
И тоски растут сугробы
Поперек твоей души.

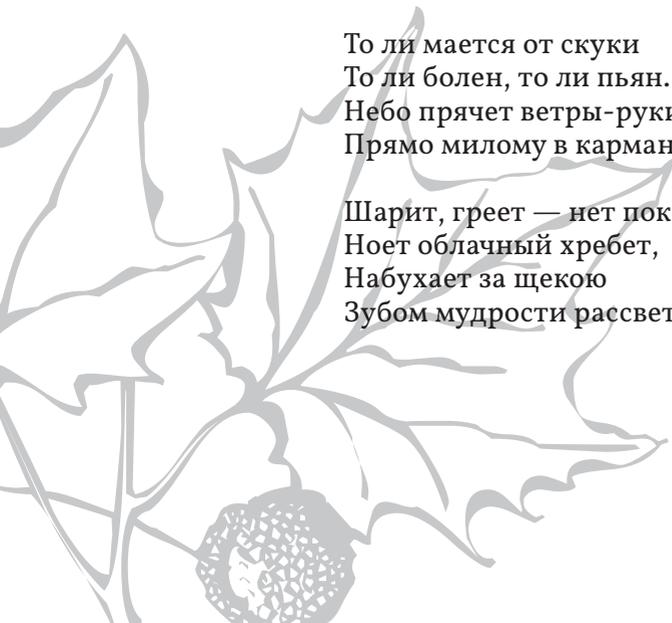
По крупинке уложили:
В ребрах тесно — ничего.
Глянешь — ветер тянет жилы
Из реки, едва живой.

Снегопад сопит под боком,
за плечом маячит — сгинь!
Будто умер ненароком,
Утром встал — светло — ни зги.

Снегопад кутил неделю,
Охромел, ослаб совсем
И плетется еле-еле
По невстречной полосе.

То ли мается от скуки
То ли болен, то ли пьян...
Небо прячет ветры-руки
Прямо милому в карман.

Шарит, греет — нет покою:
Ноет облачный хребет,
Набухает за щекою
Зубом мудрости рассвет.

Тишины глотнешь остылой
И не спросишь невпопад,
Где нелегкая носила
снегопад тому назад.

Снегопад придет с повинной
И собьет с деревьев спесь...
Улыбнешься без причины,
Словно был — и вышел весь.

* * *

Для того ли падает тень, круша
Баррикады зноя,
Чтобы мы плутали, моя душа,
Вороша бывшее?

Для того ли дождь темноту подсек,
Чтобы мы спугнули?..
Стали дни короче на волосок
С головы июля.

Чуть натянешь — воздуха тетива
Оборвется ветром.
Между нами в небе лежат слова
О любви и смерти.

Или время — хрупкое, не срослось —
Потревожь — и брызнет...
Это все, что мы написали врозь
О любви и жизни.

Содержание

2011. «Алхимики дождя»

«Крепким чаем тоску не лечат...».....	5
Тучи сажают кляксы небу на разворот...».....	6

2012. «От чаепития до надежды»

«Дрожь больных секунд — запоздала милость...»	9
«А может быть, ты просто человек...».....	10
«Луч темноты по обоям пляшет...».....	11
«Мы не столкнемся сегодня — зримо...»	12
«Я ждала тебя... Странно, часы и сами...»	13
«На границе солнца и пустоты...»	14

Вечернее размышление

о превратностях географии..... 15

«Узнавание рифмы — почти как сцена...»	16
«...и время рухнуло, как будто...»	17
«Я была без тебя — там, где каждое здание ровень...»	18
«Бог не называет по имени: оно смертно...»	19

Два очень одиноких стихотворения..... 20

«Мне осталось немного: задумчивое тепло...»	21
«Обвиняют критики в эскапизме...»	22
«Странный повод любить: за прозрачную кожицу мая...»	23
«Мы создаем безумство бескорыстно...».....	24

2013. «Беспробудно светло»

«Здесь бьется высота — глухонемая небыль...»	27
«Нынче окна взялись, от зимы заскучав...».....	28
«От неба до нёба прошиты белесой...»	29
«Зерно зрачка спит в яблоке неспелом...»	30
«Ты говоришь со мной, как говорят деревья...».....	31
«Ты запрокинут весь, как город после спячки...»	32

«Дышишь наотмашь, меридь на фунты лихо...»	33
«Когда свет мутнеет и ищет, где б...»	34
«Пустота, прижавшаяся к ладони...»	35

Девять писем барону Тузенбаху

Пролог.....	36
Письмо первое.....	37
Письмо второе, разорванное и не отправленное	38
Письмо третье	39
Письмо четвертое.....	40
Письмо пятое	41
Письмо шестое	42
Письмо седьмое.....	43
Письмо восьмое.....	44
Письмо девятое, отправленное в никуда.....	45
Эпилог.....	46

2014—2018. «На шестом этаже земли»

«Чинит бог карандаш, ледяной графит...»	49
«Город мятый, как спросонья...»	50
Гроза в августе.....	51
Железнодорожная элегия	53
«Ливень тебя поймает...».....	54
«Где мы, беззаботные, жили...».....	55
«Не говори на языке воды:...».....	56
«Воздух, скользкий и отвесный...»	57
«Снегопад бессонный бродит...».....	58
«Для того ли падает тень, круша...».....	60

Елена Сергеевна Меньшенина

НА ШЕСТОМ ЭТАЖЕ ЗЕМЛИ

Стихотворения

Верстка *Е. С. Меньшениной*

Подписано в печать 11.06.19.

Формат 60×84/16. Гарнитура «Vollkorn».

Усл. печ. л. 3,7. Уч.-изд. л. 1,3.

Тираж 50 экз. Заказ 247.

Цена договорная

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательство Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576

